

A BOT BOPPOC

КТО
СОЛДАТСКАЯ
ПРАВДА
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВЫИГРАЛ
ВОЙНУ?

ЮРИЙ МУХИН

Юрий Игнатьевич Мухин Кто выиграл войну? Солдатская правда о Великой Отечественной Серия «А вот вопрос»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74325066

Кто выиграл войну? Солдатская правда о Великой Отечественной:

ISBN 978-5-00269-684-0

Аннотация

Говорят, что Наполеон утверждал: страна, которая не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую, – пишет известный российский писатель и публицист Юрий Мухин. Как будто бы это правильно. Но разве перед Великой Отечественной войной советский народ плохо кормил кадровое офицерство? Тогда почему же немцы дошли до Волги и Кавказа? Почему советскому народу пришлось самому изгонять захватчиков?

В этой книге собраны воспоминания тех, кто до войны кормил армию, надеясь на свою защиту, а в результате сам вынужден был надеть шинели, чтобы освободить свою Родину.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Снайпер Некрутова	12
Война	12
Солдат есть солдат	16
Первый бой	21
Снайпер	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Игнатьевич Мухин
Кто выиграл войну?
Солдатская правда о
Великой Отечественной

© Мухин Ю.И., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

В 1937 году мой отец окончил срочную службу старшиной. Но его еще раз призвали в 1939 году и направили в Школу красных старшин, и после этой школы он в числе трех курсантов получил звание не «младший лейтенант», а сразу «лейтенант». Он прекрасно знал, что командир взвода получает вдвое больше, чем учитель, но ему получать такие деньги не захотелось, он отказался от кадровой службы и вернулся на Днепропетровский завод им. Артема, к своей работе мастера котельно-кузнечного цеха.

Но вот началась война, и кадровые военные бросили немцам как ненужную чепуху то, что мой отец (давайте считать его символом работников промышленности) кадровым военным сделал. Возьмем, к примеру, только артиллерию и только кое-что из нее: в 1941 году кадровые военные бросили немцам 11704 батальонные 45-мм пушки из 14621 поставленных перед войной, а также бросили немцам 7450 полковых 76-мм пушек из 6960 поставленных перед войной. Кадровые военные бросили немцам 23434 батальонных 82-мм минометов и 6833 полковых 120-мм минометов.

Более того, 150 тысяч командиров Красной Армии, в основном кадровых, сдалось немцам в плен в 1941 году с наглой уверенностью, что они войну пересидят в плену, а уж мой отец как-нибудь немцев разобьет. Ну и что же, остава-

лось делать моему отцу, чтобы освободить от немцев свою беременную жену? Правильно! После того, как он перед войной снабдил кадровых военных всем необходимым, ему теперь пришлось идти и воевать самому.

Он был инженером 120 стрелкового полка 69 стрелковой дивизии 65 армии, и он заложил радиоуправляемое минное поле перед фронтом полка и взорвал его под немецкой атакой на глазах командарма П. И. Батова. А через несколько недель в атаках на город Севск мой отец был тяжело ранен.

У моего отца и у солдат Красной Армии был верховный главнокомандующий – И. В. Сталин. В конце июля 1942 года он в приказе 227 открыто сообщил кадровым военным: "Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и все-

мерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину".

Более того, он пытался призвать кадровых военных к со-
вести:

"Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток".

Ну и как кадровые военные отреагировали на этот приказ Сталина? Они и после этого знаменитого приказа «драпали» до Волги и Эльбруса. Интересно, что народ – солдаты – хорошо видел, кем кадровые военные являлись. Вот строки из донесения начальника политуправления Волховского фронта в Москву 6 августа 1942 года:

"Докладываю о ходе выполнения приказа 227 по состоянию на 7.00 6 августа..."

...При разьяснении приказа в отдельных частях были допущены грубые ошибки. Например, в 1246-м полку 374 сд 59-й армии был такой случай. Комиссар полка батальонный комиссар Мухалев и начальник отделения агитации и пропаганды ст. батальонный комиссар Джероян проводили беседу. Некоторые красноармейцы заявили, что такой приказ надо было издать раньше, это предупредило бы отступление на южном фронте.

Мухалев и Джероян, не сказав ничего о приказе Ставки, невразумительно ответили: «Раз приказ подписан Сталиным

– значит правильно».

...В 228 сд 4-й армии 3 августа во время беседы беспартийный красноармеец Черкасов сказал: «Зря для бойцов вводят такие суровые меры. Бойцы не виноваты, все зависит от командиров». В подразделении ограничились разъяснением приказа Черкасову. Мною (предложено) начпоарму и уполномоченному особого отдела взять Черкасова под наблюдение...".

* * *

Тут возникает очень важный вопрос – для чего кадровое офицерство шло в Красную Армию – Родину защищать или большую зарплату и пенсию получать? Это вопрос кардинальный, поскольку если офицерство шло в армию денег ради, то где же ему тогда было с немцами воевать? Тогда понятно, почему кадровое офицерство, невзирая на приказ Сталина «Ни шагу назад», «драпало» до Волги и Эльбруса. Ведь если немцы убьют, то как же тогда пенсию получить?

Давайте рассмотрим такой пример. В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тысяч немцев попали в окружение в январе 1942 года и больше года (до февраля 1943 года) сражались в окружении или полуокружении, пока не прорвались из кольца; в ноябре 1942 года 6-я немецкая армия попала в окружение под Ста-

Ленинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в январе 1944 года были окружены около 90 тысяч немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали армии Красной Армии по моему счету восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941 году; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом, и 2-ю ударную под Ленинградом в 1942 году.

И только 33-я армия генерала Ефремова сражалась в окружении 3 месяца и 2-я ударная – три недели. Во всех остальных случаях как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удрать из окружения самостоятельно – без войск. Такие исключения из этого правила, как генерал Ефремов, отказавшийся бросить армию и вылететь из окружения, как генерал Сандалов, комиссар Поппель и другие, не бросившие своих солдат и продолжавшие с ними сражаться и в окружении, только подчеркивают правило.

Фельдмаршал Манштейн, высоко оценив выносливость и смелость румынского солдата, причины слабости румынской армии (помимо подготовки и оснащения) видел в том, что: "значительная часть офицеров, в особенности выше-

го и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде – всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало «прусской школы». А что имел в виду Манштейн под «прусской школой», давайте рассмотрим на вот каких двух примерах.

А. В. Невский был участником приема капитуляции немецких войск в Кенигсберге. Немцы шли сдаваться нашим генералам колоннами в составе своих частей и подразделений. «Когда немецкие офицеры получили приказ М. И. Первозникова построиться отдельной колонной, началось прощание немецких офицеров со своими солдатами. Все они целовались и плакали» – вспоминает А. В. Невский.

А как прощались со своими солдатами кадровые офицеры Красной Армии можно узнать из докладов работников НКВД о положении на оккупированной территории Московской области: "1–2 ноября вышедшие из окружения красноармейцы заявили, что в окружении в районе г. Вязьмы они были предоставлены сами себе. Находившиеся с ними командиры буквально приказывали, ругаясь матом, оставить их, командиров, одних и с ними не идти, предлагая им пробираться самостоятельно".

Да, вырастил советский народ кадровое офицерство на славу. А потом это офицерство старательно нас уверяло, что немцев победили они – кадровые, а большие потери совет-

ского народа произошли потому, что у них, у кадровых офицеров, были плохие солдаты; у них, у кадровых офицеров, был плохой советский народ, который не обеспечил их во время войны тем, чем им хотелось.

* * *

Говорят, что Наполеон утверждал: страна, которая не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую. Как будто бы это правильно. Но разве советский народ плохо кормил армию СССР? А где теперь Советский Союз?.. Разве перед Великой Отечественной войной советский народ плохо кормил кадровое офицерство Красной Армии? Тогда почему же немцы дошли до Волги и Кавказа? Почему советскому народу пришлось самому изгонять захватчиков?

В этой книге собраны воспоминания тех, кто до войны кормил Красную Армию, надеясь на свою защиту, а в результате сам вынужден был одеть шинели, чтобы освободить свою Родину.

Снайпер Некрутова

Война

В начале летних каникул 1941 года мы с мамой поехали в город Алма-Ата к моей сестре Марии. Летом всякий город красив, но Алма-Ата – особенно. В любую жару там прохлада от арыков, фруктовых деревьев, цветы необыкновенной красоты благоухают. Прекрасный город и много русских, впечатление такое, что это город русский (прежде Алма-Ата – русская крепость Верный, аванпост России против английской колонизации Средней Азии), а казахи, как друзья – добрые гости в нем, да и народ казахи дружелюбный.

22 июня 1941 года утром моя сестра пригласила меня в центральный городской парк поразвлекаться, а мама в это время приболела и лежала в больнице. Мы поехали трамваем. Приехали в этот чудесный уголок города. Все для меня было необыкновенным, я впервые в жизни видела обилие цветов, причудливые деревья, необыкновенных животных и птиц. И вот заметили, что музыка, не теперешняя какофония, а мелодичная, очень гармонизировавшая с природным благолепием, стихла, мы прошли по аллее и увидели толпу людей у столба с репродуктором. Стали слушать... «Война!» И люди, ранее выглядевшие счастливыми, веселыми, стали

строгими, посерели и толпой пошли к выходу. Мы тоже пошли за толпой молча, только ишаки, нарушив всеобщую тишину, вдруг заревели в один голос «И-а, и-а!», было 16 часов, их время...

Пошли к маме и ей мы не хотели говорить о войне, но она уже знала. Стала она проситься домой в Волчиху, где был ее сын и его 3-е малых детей. А она знала, что отсиживаться в тылу он не будет, хоть и повоевал уже в Финскую кампанию. Через неделю мы с мамой поехали в Волчиху, а Алеша уже ушел на фронт добровольцем впервые дни. Потом, из-под Москвы написал маме письмо, врезались в память слова «мама береги моих детей». Было ему 31 год, детям 5, 3 и 1 год. Родители и старшая сестра взяли на себя весь груз, помогал воспитывать детей и сын старшей сестры Кощин Вася, 1928 года, катал их на санках в ясли и обратно.

По приезду из Алма-Ата меня взяли на работу в РайО-НО инспектором политпросветработы. Здание находилось рядом с домом культуры...

Пришла весна 1942 года. Ко мне зашла секретарь райкома комсомола Завгородняя Матрена Емельяновна и мы вместе пошли в клуб, а в клубе заседала комиссия военкомата, шел набор девушек в армию. Одна из девушек не хотела идти на фронт, и плакала. Я попросила военкома взять меня вместо нее, а он мне:

– «Ты же не окончила курсы сандружины».

«Я смогу! – говорю, – перевязать, вытащить с поля боя

раненого, да и подружка моя здесь Рая Русакова, она мне поможет, умоляю, возьмите».

Объявление о начале войны, 22 июня 1941 года.

– «Пиши, – сказал военком, – заявление, а секретарь райкома пусть заверит».

Итак, меня зачислили и завтра утром сбор у военкомата. Я на крыльях вылетела из клуба, мне встретилась моя сестра Катя, я ей сообщила новость.

– «Ты с ума сошла!» – услышала от сестры.

«Ты коммунист и не имеешь права так говорить, весь народ ходит с ума защищать свою Родину». Такой был мой

ответ.

– «А как же мама?» – говорит она.

«Я ей скажу, что еду на военный завод».

Так и заключили договор-заговор и уговорили маму.

В этот вечер у Раи Русаковой была истоплена баня, и мы мылись, и с нами мылись двое девушек, которые шли уже вторично, после ранения, и рассказывали фронтовые страсти, а у меня в глубине зародилось и окрепло: «Вы же живые остались, не всех же убивают, и мы выживем».

Солдат есть солдат

Вот уже утро, 12 апреля, днем уже хорошо подтаивало, а с утра подморозило, мы явились. Собрались и родные, меня провожали мама и сестра. Собрались все. Военком сказал нам напутственное слово, пожелал возвращения с победой, моя мама здесь поняла, на какой я завод еду, на фронт. Но все равно благословила.

Подъехал на розвальнях дядя Федя, детдомовский конюх, сложили мы свои пожитки в сани, и пошли за повозкой, лошадка одна, а нас много: Рая Русакова, Ира Мирзунова, Надя Лог, Лиза Земенкина и другие со мной. Путь лежал на станцию Кулунда через Ключи (районное село). Идти было тяжело, а поэтому по очереди все же садились и на сани. Так добрались до Ключей, сани поменяли на телегу, к нам присоединилась Зоя Немцова, Тамара Несина и еще несколько девушек. Забыла фамилии. Добрались до Кулунды. Здесь на вокзале нас распределили прямо по полкам, стоявших на разных станциях, а некоторых, в Славгород, там был штаб нашей теперь, 312 стрелковой сибирской дивизии и санитарный батальон. Мы с Раей, Тамарой, Ирой, Лизой, Надей и другими девушками попали в 1083 стрелковый полк. Прибыли на станцию Бурла, где находился этот полк, поселили в какой-то избе, мы поспали, на второй день переодели и отправили наши вещи домой. К нам присоединились еще де-

вочки Валя Быкова, Маша Саблина, Клава Кряжева.

Пришел комиссар полка Носенко Емельян Иванович. Душа полка, так звали его солдаты, и он стал нашим советчиком и заступником. Вначале построил, познакомился, объяснил ситуацию и предназначение санинструктора роты, батальона, где расположены они по отношению к врагу. Прямо было сказано, что будем участвовать в боях, а поэтому: «Прошу вас, – сказал он, – сначала подумайте и сделайте шаг вперед, кто хочет в роту?»

Я сорвалась первой, за мной Рая, Ира, Тамара и все остальные, никто не струсил. Отобрали для роты, остальных распределили в батальоны. С Раей мы были разлучены, отправлены в разные роты, но часто виделись. Я солдат, она – сержант, как медсестра. Солдатам платили, как помню 10 рублей (на базаре стоило одно яйцо), ей наверно намного больше, так как она все время деньгами делилась, а кушать все время хотелось.

Закончили формирование в июне, погрузились в эшелоны и поехали в село Данилово Ярославской области, поселили в какой-то дом. К нам приехал комиссар Носенко Е. на красивом белом коне, а я с детства люблю лошадей, от брата это. И осмелилась попросить прокатиться на нем, и он разрешил. Я, затаив дыхание, каталась на этом красавце, да за деревню, а там галопом, высота блаженства... И потом, как только приезжал он к нам, хитро улыбался мне и говорил «Что еще покататься?» Я молча, утвердительно качаю головой. И

опять несколько минут на коне, это было что-то...

А однажды у меня распух палец на ноге, его разрезали, перебинтовали, нашли какую-то галошу и я так и сидела, старшина же назначает меня дневальной. Ходить я не могу, а девчонки собрались к уже знакомым парням. Они меня уговорили отпустить их на свидание, сказав места, где будут сидеть, чтобы я могла их предупредить, если проверка... И вот сижу я на крылечке, дневалю со своей больной ногой, не дневалю, а прямо дремлю-ночую, и над ухом дежурный как заорет:

– «Дневальный где!?»

«Я – дневальный!»

– «Какой ты, мать твою, дневальный! Где личный состав?»

Девчонки были недалеко и быстро начали сбегаться, он их построил и давай ругать таки. и...ии. ими словами. А меня – на гауптвахту. Гауптвахта – комната при штабе. И вот через дверь я слышу, как комиссар отчитывает этого дежурного за его всякие нехорошие слова:

«Да как Вы могли девочкам говорить такие слова?! Они ведь только что от маминой сиськи, они таких слов, что Вы наговорили, и не понимают еще. Не могу приказать Вам извиниться, но Ваша совесть должна это сделать. А дневальную сам отпусти. Мне не положено, я не арестовывал». Так я побывала на гауптвахте. Что ж, солдат есть солдат.

Затем мы прибыли на окраину города Солнечногорска. Меня удивило, что вокруг Москвы деревни с банями, ко-

торые топятся по-черному, и есть дома вообще без бань и парятся, и моются прямо в русской печке (село Данилово). Крыльцо дома под навесом вместе с коровником и сами жители с крыльца оправлялись. Для нас, сибиряков было дико и неприятно. У нас бани беленькие, скобленные, а туалеты, хоть и на улице, да в отдалении от жилья, как и коровники. А мы то думали, раз Москва, то... Не думали, что может здесь быть беднота.

Затем нас отправили на Калининский фронт, в бой не вступили, отправили на смоленское направление, благо ноги ходили. А были такие марши, что идем почти сутки, да в основном ночью, спать охота, не вмоготу. И научились спать даже на ходу, правда для этого нужно, чтобы один спал, а другой его держал, а то иногда идем и смотрим выходит солдат из строя и пошел в сторону, и в поле, в никуда. Это значит, он уснул, и никто этого не заметил. Я шла все время с Клавой Кряжевой, она старше меня была на 4 года и все время меня опекала. Марши были тяжелые, не по асфальту по 40–50 км с полной выкладкой.

Шли дожди, только днем на привалах жгли костры и подогревали мокрую одежду, высухать она не успевала, ну мы у костра и не сушились, а спали. Просыпаешься оттого, что горячо и нога сжата сапогом, который съезжился от тепла, да и шинель прожжена. А тут подъем, снова идем, идем, вот солнышко вышло, деревня, нам разрешили побывать в избах, обсушиться и поспать: рай, все с себя развесили на за-

боре, а хозяйка одела нас в свою одежду. Мы с Клавой залезли на русскую печь и утонули в блаженстве, в сухом и теплом месте, и выпались. Опять подъем, опять в поход и ночью где-то идем по болоту и нам объявили привал. Привал среди кочек. Мы с Клавой стянули до земли несколько мелких березок за верхушки, на них одну шинель, под себя, под себя, с головой сверху – другую, надышали и уснули, а березки наши прогнулись, подломились и мы казались в воде. Опять мы мокрые, ночь, холодно, отжали то, что называлось шинелями, оделись и как раз приказ «шагом марш». Вышли из болота на рассвете, идем, по лесной дороге и выходим лесом к городу и железнодорожной станции Карманово, Смоленской области.

Первый бой

Первое боевое крещение я получила, как и весь полк и дивизия 20 августа 1942 года в наступлении на немцев, располагавшихся на опушке леса. До этого еще боя погибла моя лучшая подруга детства Рая Русакова. Ее рота попала в засаду и была обстреляна немецкими автоматчиками, прямо с деревьев, их и называли «кукушки». Сейчас фильм «романтический» сочинили про таких. Рая сразу же приступила к своим обязанностям и перевязывала раненых прямо под обстрелом. Немец, которого сейчас призывают простить, прошил очередь из автомата ее и раненого, которому она оказывала помощь. Посмертно она награждена орденом Отечественной войны I степени.

Нам же предстоял еще страшный бой. Бомбовые удары пикирующих бомбардировщиков по 30–50 самолетов за налет, следовали один за другим. Несмотря на это к исходу 21 августа 1942 года мы очистили лес от немцев, и вышли на южную опушку леса у станции Карманово. Мы, ротные сандружинницы, вылазили с опушки на открытое место, искали раненных, привязывали к лямкам и тащили в лес, а там, другие эвакуировали их дальше, пули свистели рядом, рвались снаряды, но крики раненных указывали долг. Иногда подсунешься под убитого, послушаешь стоны, куда ползти и лезешь, лезешь за очередным. Стояла жара, воздух пропи-

тался испарениями крови, лившейся рекой. В горле от этого запаха першило. Долго это ощущение не покидало меня и не хотелось, чтобы кто-то еще испытал такое. Курить тогда стала, чтобы отбить восприятие этого тошнотворного запаха, а не как сейчас курят от развратной моды. Страшный, страстный, страдный, страда, труд все эти слова русские однопонятные. Страх – не трусость.

Со значительными потерями дивизия освободила город Карманово от немцев.

23 августа поступает приказ наступать на Гусаки-Субботино. Сильное сопротивление противника, огневые налеты артиллерии и атаки танков принесли дополнительные потери в людях и технике вынудили остановиться и прекратить атаки. Начальник политотдела Горемыкин Михаил Григорьевич, находясь в боевых порядках батальона 1079 полка, личным примером поднял в атаку красноармейцев: «Коммунисты за мной». Приказ о взятии Гусаки-Субботино был выполнен. Наш полковой комиссар Носенко Е. И. был тяжело ранен, я его вытаскивала и так редела, думая, кто же теперь будет нас, девчонок, защищать?

Когда шли решительные бои, коммунисты и их вожаки как наши начальник политотдела дивизии и комиссар полка Носенко Емельян Иванович, а особенно политруки, такие как наш ротный политрук Малошик, батальонный комиссар Заболотный, всегда шли вперед и вели за собой бойцов, призывая: «Вперед, за Родину! За Сталина!»

После боя за Гусаки-Субботино мы с Верой Бердниковой подали как и многие бойцы заявление о приеме нас в ряды ВКП(б). Написали, как и все: «Если погибну, прошу меня считать коммунистом». В феврале 1943 года нас приняли в члены партии.

* * *

Я часто думаю о том, неизвестном солдате, останки которого лежат у Кремля, у Вечного огня. Я уверена, что он тоже писал такое заявление. И когда к его могиле подходят и подносят венки подонки, которые предали и порушили его мечты, у меня до боли сжимается сердце. Ведь мы, дети многих народов СССР, этот солдат, его командиры и комиссары, комсомольцы и беспартийные защищали в боях и труде нашу великую Родину, единственную в мире, где строили и состоялся социализм. Мы воевали, проливали кровь, в тылу отдавали пот и последние сбережения за справедливость, свободное и счастливое общество во всем мире, за социализм против агрессии капитализма. Люди при капитализме звереют, за прибыль, за один доллар убивают враг врага внутри страны, а уж тем более капиталистические страны, не могут жить без войн. Общий их враг – СССР – сдерживал их агрессивность. Но вот пришли оттепель хрущева, мягкость застоя, либерализм горбачева.

План ЦРУ, директива Даллеса, выполнены, они оклеве-

тали и уничтожили порядочных руководителей, нашли в нашей стране подонков среди высшего руководства. Эта группа, которую мы допустили к власти, расчленила дружный и великий Союз, а великая тяга к мелкому снобизму суверенитета породила президентиков, которые стали жить поживать, народное добро проживать.

Горько нам ветеранам видеть, слышать и осознавать это все происходящее.

Снайпер

Стало прибывать пополнение, уже стало спокойнее. Мы не дергаемся, и немец стоит. Хорошо видно пощипали друг друга. Командование полка решило проверить стрелковую подготовку бойцов. И когда закончилась проверка, меня вызвал командир полка Борис Исаевич Гальперин. Он объявил, что я самый лучший стрелок в полку и вручил мне снайперскую винтовку и поставил мне новую задачу. Я ответила: «Служу Советскому Союзу» и так я стала снайпером.

Сначала я охотилась из траншеи. И вот однажды шла в свою роту, а между стыками рот увидела, что на нейтральной полосе к подбитому танку гуськом, один за другим, пробираются немцы. Я вскинула на бруствер винтовку и стала брать их на мушку. Первый выстрел был удачный и вызвал у них замешательство и тревогу. Немцы залегли и попластунски потащили своего товарища. Затишье. Следующий немец броском попытался приблизиться к танку, я на лету его сразила и он с вытянутой, вооруженной автоматом рукой, распластался на земле. Его тоже утащили. Опять затишье. Вижу, повернули все назад. Но нашелся еще смельчак. Сначала дал очередь по брустверу моей траншеи, но в меня не попал, ринулся к танку, но не дотянулся, я его срезала. Жду, села на корточки на дно траншеи, как обычно мы сидели. Вижу, ко мне подбегает капитан, адъютант командира дивизии Мои-

сеевского Александра Гавриловича.

«Это ты стреляла? – спросил он.

«Ну я, а что?», – ответила.

«Да ничего, это комдив наблюдает за тобой в бинокль, и меня послал узнать, кто стрелял и просил привести тебя».

«Да уж пока не могу, может, еще пойдут».

«Ну что ж, я тоже подожду» – ответил он.

Подождали, движение у немцев затихло пока, и мы пошли. Прихожу в землянку, где находился комдив, я докладываю о себе.

«Ну, садись рядом»– и вытаскивает папиросы Казбек – «Куришь?» – спрашивает.

«Ку... урю...ю», – врасстяжку и стыдливо отвечаю ему.

«Вот губы бы тебе оборвать» – строго сказал он, – «да ладно, заслужила, на, бери мой Казбек. Я вот прошел по траншеям и спрашивал постовых: Стреляете? А они мне отвечают: «Да вот Зоя у нас идет по траншеям и стреляет со всех видов оружия». Так вот кто у нас главный стрелок, молодец».

А уж потом за все эти деяния получила я медаль «За отвагу».

С командиром дивизии меня не раз сводила судьба. После командира полка Гальперина Б. И. пришел Тонконогов, я и не запомнила даже его инициалы. И стал свои порядки устанавливать. Прежде он стал вызывать по одиночке девочек и стал их склонять к сожительству. Меня вызвал, а я ему нахамила. Он отобрал у меня снайперскую винтовку и вы-

гнал, но одну нашел, Шатохину Наталью. Я была разгневана тем, что винтовку он у меня отобрал. Написала комдиву письмо: «Пишу не как солдат, а как девушка, защищая честь и права свою и своих подруг и т. д.» Отправила с нарочным. Это было зимой. Вызывают меня в штаб полка, а около него стоят сани розвальни, мне сказали садиться и тулуп раскрыли, чтобы на дорогу укрыть. Я села, рядом в другом тулупе сидел командир полка Тонконогов. Едем молча. Морозец. Куда, зачем везут не знаю... извозчик везет. Приехали к командиру дивизии. Его адъютант, мы с ним уже знакомы по траншее, провел меня в кабинет комдива. Это очень большая землянка – блиндаж. Ухоженная, с большим, длинным столом. Командир дивизии дружелюбно встретил, усадил и стал расспрашивать обо всем. Я все рассказала.

Запись добровольцев на фронт в военкомате, июнь 1941 года.

– «А может тебя перевести в другой полк?» – спросил он.

«Нет, не могу уйти от боевых друзей, мы вместе приняли боевое крещение, а это как кровная клятва».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.